

ее сохранившимся в этой записи текстом. Именно к 1383 г. — году написания иконы — летопись приурочивает «Явление пречистыа богородицы, еже на Тихвине».⁶

На отождествление Игнатия Грека записи и автора «Хожения» наталкивает пышный титул, которым мог наделить Пимена, недавнего архимандрита Горицкого Переславского монастыря, всего тремя годами ранее посредством подлога получившего в Константинополе высший сан московской церкви, именно грек, его сторонник, будущий участник очередного путешествия в Константинополь. Пимен вернулся на Русь в 1381 г. и находился в заточении в Чухломе до конца 1382 г., когда великий князь Дмитрий Иванович Донской вынужден был признать обманное поставление в митрополиты законным. Как раз в 1383 г. Пимен в роли главы русской церкви, титулованный в нашей записи на греческий лад Игнатием, находится в Москве, при дворе великого князя.

Юрию Дмитриевичу, второму сыну Дмитрия Донского, которого льстец Игнатий пророчески именует великим князем,⁷ было в то время всего десять лет. Пятьдесят лет спустя, уже стариком, составляя завещание, князь галицкий и звенигородский Юрий Дмитриевич в духовной 1433 г. благословляет своего первенца Василия, родившегося в 1400 г., иконой «Пречистая богородица, окована золотом, смоленская».⁸

Василий Косой в 1429 г. был обручен с дочерью князя Андрея Владимировича Радонежского — Феодосией.⁹ Через 19 лет он умер в Москве, ослепленный еще в 1436 г.¹⁰ дядей своим, противником рода Юрьевичей, великим князем Василием II, которому позже Юрьевичи в свою очередь выкололи глаза.¹¹ От Василия Косого и Феодосии не осталось потомства.¹² Тесть Василия Косого, князь Андрей Радонежский, давно уже покоился под сводами Троицкого собора Сергиева монастыря, поставленного отцом Василия, князем Юрием Дмитриевичем, на удельной земле радонежских князей. Родовая святыня выморочного рода, мощевик с отлитыми из меди, позолоченными изображениями святых — покровителей членов породнившихся семей, естественно, переходит в этот монастырь.¹³ Искусно вычеканенная надпись на серебряной пластинке, увенчивающая ряды святых, с ее печальными, передающими разговорную речь словами как бы служила эпитафией угасшему роду, истребленному феодальной войной: «Боже отец наших, творяи присно с нами по твоемоу» (см. рисунок).

Вместе со скромной реликвией небогатой отрасли князей захиревшего удела в Троице-Сергиев монастырь должна была попасть и великолепная, окованная золотом «Смоленская» ктитор этого монастыря князя Юрия Дмитриевича. Он завещал изображение Одигитрии — по представлениям того времени покровительницы государственной власти — старшему сыну, быть может, как залог предназначавшегося Василию Косому великого княжения московского, которым тот и владел всего один месяц.¹⁴

⁶ ПСРЛ, т. XI, стр. 83.

⁷ Он с перерывом сидел на московском великокняжеском столе дважды — в 1433 и 1434 гг.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков. М.—Л., 1950, стр. 74.

⁹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 97.

¹⁰ Необычайно живой рассказ об обстоятельствах его ослепления сохранил Устюжский летописный свод (М.—Л., 1950, стр. 76—78).

¹¹ Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953, стр. 258—260 и 263.

¹² О судьбе Василия Косого после ослепления см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, часть первая. М.—Л., 1948, стр. 122—124.

¹³ Ю. А. Олсуфьев. Описание церковного серебра б. Троице-Сергиевской лавры до XVIII века. Сергиев, 1926, стр. 230—235.

¹⁴ Устюжский летописный свод, М.—Л., 1950, стр. 76, под 1434 г.